

Челпанов Георгий Иванович

**Проблема восприятия
пространства в связи с учением об
априорности и врожденности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г36

Г36 **Георгий Иванович Ч.**
Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности /
Челпанов Георгий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 403 с.

ISBN 978-5-521-29940-9

ISBN 978-5-521-29940-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Если бы я сказалъ, что проблема воспріятія пространства одна изъ самыхъ главныхъ въ современной философіи, то я едва ли былъ бы далекъ отъ истины. Самые основные вопросы теоріи познанія въ послѣднее время вращались около вопроса о природѣ пространства; въ психологіи и психофизиологіи вопросъ объ образованіи представленія пространства и въ настоящее время занимаетъ одно изъ центральныхъ мѣстъ и понятно, почему: это одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ психологіи. Трудность разрѣшенія его между прочимъ происходитъ вслѣдствіе того, что онъ связанъ съ рядомъ другихъ философскихъ проблемъ, съ старымъ вопросомъ объ апріорности и врожденности и по необходимости поставленъ въ зависимость отъ того или иного рѣшенія этого послѣдняго. Тотъ или другой отвѣтъ на вопросъ объ апріорности (въ теоріи познанія) оказываетъ воздѣйствіе на то или иное рѣшеніе вопроса о возникновеніи представленія пространства (въ психологіи).

Постоянная связь между теоріями происхожденія представленія пространства и апріорности пространства произвела то, что стали смѣшивать понятіе апріорности въ смыслѣ теоріи познанія съ апріорностью въ смыслѣ психологіи. Гельмгольцъ, напр., и др. физиологи сближали понятіе апріорности у Канта съ нативизмомъ современной психофизиологіи, признающимъ врожденность пространства. ¹⁾

¹⁾ См. Гельмгольцъ. Phys. Optik. стр. 805. Одно изъ типичнѣйшихъ выраженій такого взгляда мы находимъ у Рэлея (Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. I. III. стр. 53). По его мнѣнію: „Namentlich Helmholtz seine neue Erkenntnisstheorie, welche alle geistige Entwicklung auf die Function der Sinnesorgane zurückführt, der Kantschen Erkenntnisstheorie mit

Риль, Коенз, Штадлеръ, Паульсенъ, Кёнигъ, Лаасъ, Виндельбандъ и мн. др. рѣшительно становятся противъ такого пониманія. По ихъ мнѣнію, апріорность есть понятіе теоретико-познавательное, врожденность есть понятіе психологическое; ¹⁾ Кантовская проблема о пространствѣ ничего общаго съ психологіей не имѣетъ. ²⁾

Ланге, Либманъ, Целлеръ занимаютъ среднее положеніе и утверждаютъ, что признаніе психофизической организаціи до известной степени тождественно съ признаніемъ апріорности у Канта, но тѣмъ не менѣе и эти писатели не находятъ возможнымъ вполне отождествить кантовскую проблему съ психологической. ³⁾

Не взирая на эти объясненія лучшихъ истолкователей теоріи Канта, большинство психологовъ продолжаетъ отождествлять кантовскую проблему съ проблемою психологическаго происхожденія представленія пространства. Эволюціонисты считаютъ возможнымъ примирить при помощи теоріи развитія оба противополож-

ihrem Apriorismus der Zeit und Raumbegriffe gegenüberstellte... Die Kantische Lehre in Anwendung auf die Physiologie des Gesichtsinnes, vertreten durch E. Hering ist der vollkommenste Ausdruck des Nativismus, die Helmholtzsche Lehre die des Empirismus geworden“.

¹⁾ Riehl. Der philosophische Kriticismus. Lpz. 1876. B. I. ч. 1. стр. 6—8, 17, 165 и д., 247—281, 294—311. т. 2. ч. 1-я, стр. 7—14, 79—80, 83—4, 112—115 т. 2. ч. 2. гл. III. Cohen. Kants' Theorie d. Erfahrung. 1885. стр. 66 и д., 80 и д., 90 и д., 146 и д., 200 и д., Stadler. Die Grundsätze der reinen Erkenntnisstheorie. 1876 (Отмѣчаетъ рѣзкое различіе между задачами психологіи и теоріи познанія стр. 29—32, 41, 59). Paulsen. Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Kantischen Erkenntnisstheorie. 1875. стр. 198—200. Koenig. Die Entwicklung des Causalproblems. B. I. 1888. стр. 287—299., B. II. Lpz. 1890 стр. 64. Laas. Idealismus und Positivismus 1884 B. III. стр. 522.—665. Windelband. Die Geschichte d. neueren Philosophie 1880. ч. 2-я 58—9. Къ этой же группѣ слѣдуетъ отнести Sigwart's Logik. 1878. B. II. стр. 22—36, 54, 57—9, 79.

²⁾ Называя въ нѣкоторыхъ случаяхъ проблему апріорности пространства кантовской проблемой, я, конечно, имѣю въ виду не историческую постановку ея самимъ Кантомъ (не свободную, можетъ быть, отъ различныхъ противорѣчій), а теоретико-познавательную проблему въ томъ видѣ, въ какомъ она и въ настоящее время можетъ имѣть значеніе.

³⁾ Ланге. Исторія Матеріализма. Спб. 1883. т. 2-й, взглядъ его на апріорность стр. 22, 31—8. Liebm an n. Analysis der Wirklichkeit. 2. Aufl. стр. 208—9, 222—5, 241. Zeller. Vorträge u. Abhandlungen Zweite Sammlung. 1877. 499—512.

ныхъ воззрѣнія: объ апіорности пространства (т. е. о врожденности пространства въ старомъ смыслѣ) и эмпирическаго возникновенія его.¹⁾

Въ такомъ же состояніи находится этотъ вопросъ и въ нашей отечественной литературѣ, въ которой онъ затрогивался по большей части случайно въ связи или съ теоретико-познавательными проблемами или фізіологическими. Въ большинствѣ случаевъ мы находимъ у насъ указанное уже мною смѣшеніе, которое встрѣчается какъ у фізіологовъ, такъ и у философовъ. Эти послѣдніе, смѣшивая психологическую проблему происхожденія представленія пространства съ апіорностью его, часто непріязненно относятся къ самой попыткѣ психологической дедукціи.

Примирительное положеніе въ этомъ вопросѣ занимаетъ также Volkelt: (*Erfahrung und Denken*. 1886. 197 и 493—504. и въ *Kant's Erkenntnisstheorie*. 1879. 231—3); онъ сближаетъ апіорность съ врожденностью; такое же положеніе занимаетъ Vaihinger. *Commentar zu Kant's Kritik der reinen Vernunft*. B. II. 1893. стр. 69 и д.. 89—101; 366—7. Stumpf (въ *Psychologie u. Erkenntnisstheorie*. München. 1891.) считаетъ психологію необходимой для рѣшенія теоретико-познавательныхъ вопросовъ.

¹⁾ Спенсеръ. *Осн. Псих.* Спб. 1876 т. III. § 332. находятъ, что „гипотеза развитія доставляетъ возможность примиренія гипотезы опыта, въ ея общепринятомъ истолкованіи, съ гипотезою, которую противопоставляютъ ей трансценденталисты; и здѣсь мы можемъ видѣть до какой степени полно это примиреніе. Ибо хотя мы имѣемъ право признать истину, лежащую въ ученіи о „предустановленной“ гармоніи и истину, лежащую въ ученіи о „формахъ интуиціи“, но въ то же время мы имѣемъ право разсматривать эти истины, какъ простые выводы изъ того ученія, что вся наша мыслительность приобрѣтена черезъ посредство опыта: для этого намъ стоитъ только расширить это ученіе настолько, чтобы оно обнимало собою не только опытъ каждаго отдѣльнаго индивидуума, но и опыты всѣхъ его предковъ. Глядя на эти данныя мыслительности какъ на данныя аргіогі для индивидуума и какъ на данныя аposterіогі для всей той цѣпи индивидуумовъ, которой онъ составляетъ послѣднее звено, мы избѣгаемъ затрудненій обихъ гипотезъ, понимаемыхъ въ ихъ общепринятомъ смыслѣ“. Ср. съ этимъ Льюисъ. *Вопросы о жизни и духѣ* т. I. Спб. 1875 стр. 164; Haeckel. *Natürliche Schöpfungsgeschichte* 4. Aufl. стр. 636; Du Bois Reymond. *Leibnizische Gedanken in der neuen Naturwissenschaft*. въ *Reden*. B. I. 1886 стр. 53; Donders. *Ueber angeborene u. erworbene Associationen*. Arch. f. Ophth. B. XVIII. стр. 160; Hering. *Arch. f. Ophth.* B. XIV, 1. Abth. 14. Bain. *Senses and Intellect*. 4 изд. стр. 687.

Смѣшеніе это было особенно замѣтно по отношенію къ мускульному чувству—этому главному (въ послѣднее время) атрибуту психологической теоріи.¹⁾

Физиологи и натуралисты въ терминѣ апріорность видятъ призракъ врожденныхъ идей, причемъ подъ послѣдними разумѣютъ совершенно готовыя идеи; и между тѣмъ какъ они въ мускульномъ чувствѣ видятъ разгадку проблемы пространства,²⁾ философы впадаютъ въ противоположную крайность и изъ за этого чувства относятся непріязненно къ самой психологической теоріи.

Предубѣжденное отношеніе къ мускульному чувству и другимъ атрибутамъ психологическихъ теорій было причиной того, что философы часто совершенно неправильно оцѣнивали значеніе самихъ психологическихъ изслѣдованій. Напр., Б. Н. Чичеринъ³⁾ послѣ правильныхъ, по моему мнѣнію, критическихъ замѣчаній относительно эмпирическаго объясненія математическихъ положеній, совсѣмъ не кстати связалъ ихъ съ вопросомъ о психологическомъ происхожденіи представленія пространства. При этомъ онъ крайне не точно излагаетъ оспариваемыя имъ теоріи.⁴⁾

¹⁾ Вотъ какъ напр., проф. Сѣченовъ переводитъ Канта на физиологію: „Со времени Канта, говоритъ онъ, было сильно распространено мнѣніе, что для воспріятія пространственныхъ и временныхъ отношеній у человѣка есть особый органъ вродѣ внутренняго зрѣнія, дающій сознанию непосредственно свѣдѣнія объ отношеніяхъ того и другого рода. Мысль эта оказалась до известной степени справедливой, потому что такой органъ дѣйствительно существуетъ и долженъ былъ бы носить имя органа мышечнаго чувства“. („О предметномъ мышленіи съ физиологической точки зрѣнія“. Русская Мысль 1894 г. № 1). См. ниже взглядъ проф. Шведова.

²⁾ Напр. проф. Шведовъ (Методика физики. Од. 1894. Вып. I. § 7) говоритъ: „Относительно пространства и времени существуетъ еще мнѣніе, что эти понятія присущи нашему уму независимо отъ внѣшняго міра, что это готовые формы, въ которыя укладывается матеріаль, почерпаемый сознаніемъ изъ внѣшняго міра“. „Не трудно однако убѣдиться, говоритъ онъ дальше, что и понятія о пространствѣ и времени, какъ бы абстрактны они ни казались, усваиваются умомъ постепенно, чрезъ воспитаніе его на ощущеніяхъ т. е. путемъ опыта“. „Мускульъ есть единственный источникъ понятія о пространствѣ, а элементарная форма этого понятія есть перемѣщеніе“.

³⁾ „Вопросы Философіи и Психологіи“ № 10. стр. 31.

⁴⁾ Онъ, критикуя теоріи Лотце и Вундта, прямо допускаетъ погрѣшности. „Нѣмецкіе эмпиристы, говоритъ онъ, (стр. 49) признаютъ двойкій источникъ, откуда происходитъ наше представленіе пространства: т. н. мѣстные знаки и мы-

Я очень далекъ отъ желанія ставить въ упрекъ почтенному философу то обстоятельство, что онъ не точно излагаетъ враждебныя ему теоріи, но, по моему мнѣнію, это является характернымъ признакомъ того предубѣжденія, съ какимъ философы относятся къ чисто психологическимъ теоріямъ, а отсюда проистекаетъ и то, что они смѣшиваютъ ихъ съ проблемами теоріи познанія. Тоже смѣшеніе мы находимъ и у проф. А. А. Козлова, что, впрочемъ, у него происходитъ по той причинѣ, что съ давнихъ поръ, находясь въ непримиримой враждѣ съ „позитивизмомъ“, онъ съ чрезмѣрной пристрастностью относится ко всему тому, чему можно придать эпитетъ „научный“ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ современной психологіи, и въ особенности экспериментальной, питаетъ особенную антипатію. Онъ положительно смѣшиваетъ указанныя двѣ точки зрѣнія.¹⁾ Такое же смѣшеніе проблемы Канта съ

мышечное чувство. Мѣстными знаками авторъ этой теоріи, Лотце, называлъ то свойство нашихъ ощущеній, въ силу котораго мы относимъ ихъ къ оконечностямъ воспринимавшихъ первовъ“. На самомъ дѣлѣ Лотце называетъ локальными знаками совѣтъ не это (см. ниже, стр. 53 и д.). „Очевидно, продолжаетъ дальше г. Чичеринъ, что это свойство предполагаетъ уже представленіе пространства“. Г. Чичерину неизвѣстно, что тоже самое признавалъ и Лотце, который не находилъ возможнымъ вывести представленіе пространства ни изъ ассоціаціи, ни изъ синтеза; его взгляды въ этомъ отношеніи тождественны со взглядами Чичерина. (см. ниже 55). Поэтому совершенно справедливое замѣчаніе, что непонятно, какимъ образомъ возможно логически произвести изъ мышечнаго чувства представленіе пространства, къ Лотце не относится вовсе. Совѣтъ неправильно изображается теорія Вундта въ слѣдующихъ словахъ: „По его теоріи, представленіе пространства порождается отношеніемъ периферическихъ мѣстныхъ знаковъ къ центральному мышечному ощущенію. Но допуская даже правильность этой теоріи, невозможно выдавать за произведеніе этого отношенія то, что имъ предполагается и что составляетъ необходимое его условіе. Для того, чтобы отнести центръ къ окружности, необходимо имѣть представленіе пространства“. Можно прямо утверждать, что ничего подобнаго въ теоріи Вундта не имѣется. (См. изложеніе теоріи Вундта ниже стр. 80 и д.).

¹⁾ „Есть, говоритъ онъ, двѣ теоріи происхожденія пространства: нативизмъ и эмпиризмъ“ и находятъ, что „онъ находится въ тѣсной связи со споромъ XVI и XVII столѣтія съ одной стороны Декарта съ его послѣдователями, съ другой въ противоположность имъ англійскихъ эмпиристовъ и сенсуалистовъ“. Козловъ находитъ, далѣе, что между ученіемъ Канта (нативиста) и ученіемъ Бэна (эмпириста) есть непримиримое различіе; онъ находитъ также, что ученіе Бэна было опровергнуто въ Англіи (Мэргэффи), во Франціи (Ренувье) и въ Германіи (Штумфомъ). Изъ описанія Козлова выходитъ, что кто Бэна отрицаетъ, тотъ Канта признаетъ. На дѣлѣ это вовсе не такъ. Напр., Штумфъ (нативистъ) Бэна отвергаетъ, но отвергаетъ

психологической теоріей „способностей“ мы находимъ у проф. *М. М. Троицкаго*.¹⁾

Надо замѣтить, впрочемъ, что въ нашей литературѣ была попытка указать на различіе, существующее между точкой зрѣнія психологической и теоретико-познавательной въ вопросѣ объ апріорности. Это сдѣлали проф. *А. И. Введенскій* и *В. П. Преображенскій*.²⁾ Уже послѣ появленія этихъ трудовъ проф. *Л. М. Лопатинъ* далъ кантовской апріорности также чисто психологическое толкованіе, подобное тому, какое мы имѣемъ у Целлера, Либмана и др.³⁾

Вопросъ о пространствахъ разбирался у насъ также въ связи съ вопросомъ о происхожденіи геометрическихъ аксіомъ. Проф. *А. И. Смирновъ*, хотя, какъ кажется, и отличаетъ проблему

и Канта. Не знаю, почему Козловъ, указывая на то, что Штумфъ разбираетъ и отвергаетъ многія другія теоріи, приводитъ Гербарта и Вебера, а о Кантѣ, котораго Штумфъ отвергаетъ первымъ, Козловъ совсѣмъ не упоминаетъ. Должно быть это плохо гармонировало бы съ его собственной классификаціей теорій, потому что тогда подверглось бы сомнѣнію, можно ли на самомъ дѣлѣ Канта называть нативистомъ въ современномъ смыслѣ слова, когда современные нативисты его опровергаютъ. Я и въ этомъ случаѣ долженъ замѣтить, что эта погрѣшность въ классификаціи сама по себѣ не представляетъ никакой важности, но она указываетъ на то, что Козловъ смѣшивалъ точку зрѣнія теоретико-познавательную и психологическую. (См. его „Свое слово“. № 4. Спб. 1892. стр. 5—12).

¹⁾ Троицкій. Нѣмецкая психологія. т. II. М. 1883, стр. 217 (Тамъ же о роли мускульнаго чувства въ представленіи пространства).

²⁾ По мнѣнію *А. И. Введенскаго*: „Апріорныя идеи находятся въ самомъ сознаніи, составляютъ неизбѣжную форму его дѣятельности; прирожденные идеи внушены намъ извнѣ; онѣ не необходимы для нашего сознанія, составляютъ добавочный элементъ“. (Опытъ построенія теоріи матеріи. Спб. 1888 стр. 38. Ср. „Вопросы философіи и психологіи“ № 25. стр. 650—3). Гораздо опредѣленнѣе указать на это различіе *В. П. Преображенскій*; по его словамъ: „Основной идеей критики было установить теорію знанія независимо отъ метафизики и психологіи. Не описаніе психологическаго процесса познаванія, а изслѣдованіе составныхъ элементовъ знанія, его условій и границъ, было задачей Канта“ (Очеркъ теоріи знанія у Шопенгауэра. 1888. отд. отт. стр. 17).

³⁾ Въ „Положительныхъ задачахъ философіи“ ч. 2. М. 1891. стр. 90—1. онъ говоритъ: „Кантъ смѣло провозгласилъ, что пространство и время прежде всего суть *с р о д н ы е* духу способы воспринимать реальное“. Но для *Л. М. Лопатина* „пространство и время не исчерпываютъ суммы дѣйствительныхъ условій возможности опыта“. Онъ находитъ, что „основныя различія нашихъ ощущеній,—не менѣе пространственныхъ и временныхъ опредѣленій наблюдаемыхъ феноменовъ, выражаютъ изначальные способы нашего воспринимающаго су-

кантовскую от проблемы психологической, тѣмъ не менѣе геометрическія аксіомы выводитъ изъ опыта.¹⁾ Несогласный съ Кантовскимъ взглядъ на природу геометрическихъ аксіомъ съ допущен-

щества отвѣчать на внѣшнія возбужденія. Эти способы не суть порождения опыта, но условія его возможности". Способность воспринимать въ формѣ пространства здѣсь ставится на ряду съ способностью воспринимать чувственные качества вещей. „Духъ все видитъ чрезъ собственную призму; если пространственность и времениость можно считать способами воспріятія вещей, это тѣмъ болѣе относится къ чувственному содержанію воспринимаемыхъ свойствъ". Здѣсь апріорность, очевидно, отождествляется съ „способностью", а такое толкованіе апріорности не согласно съ наиболѣе принятымъ толкованіемъ ея въ нѣмецкой литературѣ.

1) „Объ аксіомахъ геометріи въ связи съ ученіемъ неогеометровъ о пространствахъ разныхъ формъ" 1894. Ученіе Канта онъ считаетъ совершенно неосновательнымъ. „Кантъ, говоритъ онъ, не считалъ аксіомъ врожденными истинами, какъ и вообще не считалъ знанія прирожденнымъ. Онъ лишь полагалъ, что какъ чувственное воспріятіе внѣшнихъ объектовъ, такъ и логическая переработка представлений совершаются по законамъ нашей собственной природы, т. е. намъ врождено не само знаніе со всѣмъ его содержаніемъ, а лишь способы усвоенія и переработки того матеріала, который дается чувствами" (стр. 2). Проф. Смирновъ находитъ, что вопросъ о психологическомъ происхожденіи пространственныхъ представлений и происхожденіи геометрическихъ аксіомъ находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ: „вопросъ о происхожденіи пространственныхъ представлений и объ отношеніи ихъ къ ощущеніямъ близко касаются самыхъ основаній геометріи, ея первыхъ понятій, опредѣленій и аксіомъ" (30); онъ находитъ, что апріористы не правы. „Какъ наши пространственные воспріятія включаютъ въ себѣ не только ощущенія осязательныя и зрительныя, но также и движенія органовъ осязанія и зрѣнія, совершенно также и во всѣхъ дальнѣйшихъ измѣреніяхъ пространственныхъ отношеній, не только въ практикѣ, но и въ геометріи, участіе этого осязательно-мускульнаго опыта остается весьма замѣтнымъ и даже оказывается неизбѣжнымъ. Отсюда ясно, что геометрія не есть апріорная наука, но наука объ эмпирическихъ мѣроотношеніяхъ пространства" (31). „Представимость пространствъ другого рода вытекаетъ изъ основныхъ предположеній эмпирической школы. Всѣ наши представленія пространственныхъ формъ возникаютъ изъ ощущеній зрѣнія и осязанія въ связи съ движеніями. Такимъ образомъ эти представленія суть результатъ синтеза или ассоціаціи нѣкоторыхъ элементарныхъ состояній, опредѣляемыхъ съ одной стороны внѣшними впечатлѣніями, а съ другой стороны и законами нашей собственной психофизической организаціи" (32). „Съ точки зрѣнія эмпирической теоріи аксіомамъ геометріи нельзя приписывать всеобщности и необходимости въ смыслѣ кантова апріоризма. Аксіомы не суть односторонній результатъ психической дѣятельности, который только лишь вызывается впечатлѣніями чувствъ и извнѣ приносится къ нимъ. Аксіомы не суть законы, которые познающій субъектъ предписываетъ явленіямъ, какъ училъ Кантъ. Эмпирическая школа разсматриваетъ ихъ, какъ результатъ взаимодействія двухъ какъ бы равноправныхъ причинъ, изъ которыхъ одна коренится въ нашей психофизиологической организаціи, а другая нахо-

ніємъ возможности ихъ эмпирическаго вывода мы находимъ у проф. М. И. Каринскаго. ¹⁾

Такое разногласіе во мнѣніяхъ и такая очевидная невыясненность вопроса были главными побудительными мотивами составленія моей книги.

По моему мнѣнію, коренной грѣхъ въ постановкѣ философской проблемы о пространствѣ заключается именно въ томъ, что различныя точки зрѣнія обыкновенно смѣшиваются другъ съ другомъ. Поэтому я и предполагаю, что совмѣстное разсмотрѣніе различныхъ точекъ зрѣнія есть необходимое условіе правильнаго разрѣшенія нашего вопроса; мы можемъ подойти къ болѣе или менѣе удовлетворительному рѣшенію вопроса о пространствѣ только въ томъ случаѣ, если мы рассмотримъ его во всей цѣлости, потому что только при этихъ условіяхъ мы можемъ усмотрѣть существенныя особенности постановки нашей проблемы съ той или иной точки зрѣнія.

Въ первой части предлагаемаго сочиненія я стараюсь посредствомъ анализа психологическихъ фактовъ и законовъ рѣшить вопросъ о *составѣ* и *возникновеніи* представленія простран-

дится въ самой природѣ вещей" (38). Аксиомы суть наши предположенія о пространствѣ. „Правда весь нашъ опытъ, опытъ всѣхъ людей, постоянно и неизмѣнно подтверждаетъ безошибочность этихъ предположеній, а потому ихъ можно назвать всеобщими и необходимыми истинами, но не въ абсолютномъ, а въ относительномъ смыслѣ“. „Конечно такое ученіе объ аксіомахъ могло всегда казаться выраженіемъ крайняго эмпиризма и противоположное ученіе апріорной школы гораздо болѣе правдоподобнымъ. Но старые эмпирики, какъ Милль, не имѣли тѣхъ средствъ для защиты своего ученія, какія даетъ геометрія пространствъ разныхъ формъ, отличныхъ отъ нашего“ (39). Отсюда ясно, что по мнѣнію проф. С м и р н о в а геометрическія аксіомы представляютъ изъ себя продуктъ опыта въ томъ смыслѣ, въ какомъ это обыкновенно понимается англійской психологіей.

¹⁾ Объ истинахъ самоочевидныхъ. Ж. М. П. Пр. 1893. Февр. 301—2 и 324—5 Проф. Васильевъ. (въ своей книжкѣ „Изъ исторіи и философіи понятія о о цѣломъ положительномъ числѣ“ Каз. 1891 стр. 16) находитъ, что рѣшеніе вопроса о происхожденіи геометрическихъ аксіомъ требуетъ знакомства съ физиологическими и психологическими данными. Весьма важное значеніе, по его мнѣнію, имѣютъ изслѣдованія Ціона и проф. Бехтерева о полуциркулярныхъ каналахъ, находящихся въ ухѣ животныхъ. (Ср. *Бехтеревъ*. Теорія образованія нашихъ представлений о пространствѣ Спб. 1884 стр. 47). Едва ли возможно отыскать какую нибудь связь между функциями полукружныхъ каналовъ и природою геометрическихъ аксіомъ!

ства, именно я стараюсь рѣшить вопросъ, производно ли представление пространства или первоначально, обладаетъ ли это представление сложнымъ характеромъ или простымъ. Послѣ всесторонняго разсмотрѣнія этого психологическаго вопроса (а это я считаю необходимымъ условіемъ цѣлесообразнаго изслѣдованія нашей проблемы) я предполагаю во второй части перейти къ разсмотрѣнію теоретико-познавательнаго вопроса объ априорности въ связи съ врожденностью пространства и главнымъ образомъ указать на различіе, существующее между теоретико-познавательной проблемой и психологической, и вообще указать на отношеніе между теоріей познанія и психологіей по этому вопросу.

Такъ какъ я намѣреваюсь въ предлагаемой книгѣ рѣшить вопросъ *психологическій*, то будетъ не лишне сказать, какъ я обращаюсь съ матеріаломъ современной психологіи. Это для меня представляется необходимымъ въ виду того, что у насъ по этому вопросу царятъ серьезные предразсудки. Мноѣ могутъ сказать: „кто въ настоящее время желаетъ рѣшить проблему пространства именно съ точки зрѣнія психологіи, тотъ долженъ былъ бы приступить къ этому посредствомъ экспериментальныхъ приемовъ, онъ долженъ былъ бы посредствомъ эксперимента доказать то или другое психологическое положеніе“. На это я могъ бы замѣтить слѣдующее. Едва ли кто нибудь станетъ отрицать, что экспериментъ имѣетъ громадное значеніе въ области частныхъ психологическихъ вопросовъ. Вопросъ же мною затронутый относится къ числу настолько общихъ, что трудно даже найти какую нибудь опредѣленную область, въ которой можно было бы произвести эксперименты, могущіе имѣть рѣшающее значеніе. ¹⁾ Мой личный опытъ

¹⁾ Впрочемъ, если бы я держался и иныхъ воззрѣній относительно роли эксперимента въ психологіи, то едва ли отъ этого дѣло могло измѣниться существеннымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что техника психологическаго эксперимента слишкомъ сложна, а средства экспериментированія у русскаго психолога конца 19-го столѣтія слишкомъ ничтожны, чтобы онъ могъ въ этой области сдѣлать какой либо серьезный вкладъ. Но при этомъ считаю необходимымъ замѣтить, что я высказываюсь рѣшительно только о тѣхъ экспериментахъ, которые имѣлъ случай проверить лично.

въ области психофизическихъ экспериментовъ привелъ меня къ тому убѣжденію, что при современномъ состояніи методовъ экспериментации, результаты изслѣдованій не могутъ доставить никакихъ опредѣленныхъ данныхъ въ пользу того или другого рѣшенія общихъ вопросовъ психологіи. Разобранныя мною (во второмъ отдѣлѣ) многочисленныя психофизическія изслѣдованія часто совсѣмъ не даютъ возможности рѣшить вопросъ въ томъ или другомъ смыслѣ, и мы въ этой области часто бываемъ поставлены въ необходимость больше довѣряться умозрѣнію, чѣмъ экспериментальнымъ даннымъ. Я пришелъ къ тому убѣжденію, что результаты экспериментовъ не только не могутъ служить надежнымъ матеріаломъ для общихъ выводовъ или построеній общихъ принциповъ, а можно даже прямо сказать, что задача современной экспериментальной психологіи пока состоитъ въ томъ, чтобы выработать предварительно цѣлесообразные методы изслѣдованія. Поэтому въ противоположность къ тѣмъ, которые думаютъ, что экспериментъ въ психологіи есть все, я утверждаю, что въ настоящее время экспериментъ часто имѣетъ совершенно провизорное значеніе, пока методологія психологическаго эксперимента не будетъ поставлена на болѣе строгую научную почву. Въ психологіи еще очень много мѣста остается теоріи. И даже больше, мнѣ кажется, что множество вопросовъ въ современной психологіи нуждается во всестороннемъ пересмотрѣ для того, чтобы правильная постановка ихъ давала бы возможность поставить новыя задачи, именно для эксперимента. Современное положеніе эксперимента таково, что онъ не только не имѣетъ рѣшающаго значенія, а даже не составляетъ главной основы психологіи. Разумѣется, я этимъ ничуть не отрицаю важнаго значенія за экспериментомъ, но я очень далекъ отъ мысли, что онъ представляетъ изъ себя единственное средство рѣшенія основныхъ психологическихъ проблемъ.

Главная задача моего труда состоитъ именно въ томъ, чтобы посредствомъ точнаго опредѣленія содержанія нашей проблемы въ различныхъ областяхъ философіи (въ теоріи познанія и психологіи) сдѣлать возможнымъ правильную ея постановку и рѣшеніе. Но